

Пелевин Виктор. Путешествие в Элевсин. — М.: Эксмо, 2023. — 480 с.

УКАЗАННЫЙ издательством "Эксмо" 105-тысячный тираж нового романа Виктора Пелевина "Путешествие в Элевсин" априори должен подтвердить статус автора как самого читаемого писателя современной России — статус, который последние лет десять никто всерьёз не оспаривает. Тем более, для литературы он немного и значит — ведь самыми читаемыми из отечественных писателей побывали у нас одно время и Фаддей Булгарин, и чуть ли не Лидия Чарская. Правда, в отличие от этих сочителей прошлого, автора "Чапева и Пустоты", "S.N.U.F.F.", "Generation ЛТМ", "Empire V" и т. д. (добавив по вкусу) назвать "гением пошлости" вряд ли у кого-то язык повернется. Впрочем, и "гением снобизма" он точно не является. "Если говорить о моей работе, то я — создатель реальности..." — было однажды им заявлено от имени одного из своих персонажей. За треть века активного участия Виктора Пелевина в литературном процессе (это уже очень много, большинству наших классиков XIX и XX веков

МЕМНОСТЬ БЫТИЯ

О последнем романе Виктора Пелевина

столько отпущено не было) все уже привыкли к тому, что он неизменно пытается создавать реальность из действительности, но — хотя бы немного опережая последнюю, по капле (и по тренду, что ещё важнее) выжимая из неё первую. Иногда получается не очень, иногда — получше, порой — очень хорошо, но в любом случае это не "игра в классики", школьная и внешкольная, по заказу, на спор и без, которой занимается множество нынешних "писателей" и литераторов. Это, продолжая аналогию, вполне профессиональный "спорт высших достижений" (от которого сейчас посредством "культуры отмены" на международном уровне пытаются отлучить всё, что паде in Russia), если проводить более конкретную аналогию — бег на средние и длинные (но не сверхдлинные, не марафон и не сверхмарафон, нет!) дистанции. Если у Пелевина и есть гений (в античном смысле этого слова), то это "гений тренда".

А тренды сейчас меняются быстро, их много, поэтому приходится держать планку на уровне "роман в год", а это немалое искусство, которое требует и немалых жертв, в том числе жертвы себя себе же. Такое вот самосебепожертвование, трансискусство в чистом виде... Но главная проблема здесь, как представляется, в том, что при этом сам писатель в итоге способен оказаться частью того, о чём пишет, "многочождовчек" в том числе. А способ — и роман "Путешествие в Элевсин", перекликающийся с ранее вышедшими "Transhumanism Inc." и "KGBT+", выглядит достаточно яркой иллюстрацией обеих этих вроде бы взаимоисключающих, но при этом взаимосвязанных способностей. Его сюжет достаточно откровенно следует за "Жуком в муравейнике" братьев Стругацких, только рамка научно-фантастического будущего заменена рамкой будущего виртуально-антиутопического, в котором человечество якобы оказывается вечной кормовой базой для "высшей расы" неких черве- или млекопитающих энергетических вампиров-паразитов, симбиотических использующих мозги homo sapiens, а также их мысли и чувства в качестве своей эколо-

гической ниши. С той же целью развиваются и используются технологические достижения человеческой цивилизации: от искусственного интеллекта (в виде "корпоративных нейросетей", состоящих в том числе из особо выдающихся и успешных биологических мозгов, продолжающих неограниченно долго, хотя и не бесплатно, жить вне своего бывшего тела в специальных "банках" цереброконтейнерах под землёй, что считается счастливым уделом избранных) до различных видов чудо-оружия как для виртуального, так и для условно-реального мира. Кстати, и там, и там бытие платёжных средств, в отличие от бытия людей, сомнению не подвергается.

КАК ВСЕГДА, автор не скупился на весьма товарное количество аллюзий и прочих "пасхалочек": как со своими произведениями, так и с "мемами" актуальной культуры. "Звёздные войны", "Матрица", "Аватар" и так далее. Кроме них, налицо в столь же товарном количестве и фирменная пелевинская "постирочия", напрямую выходящая в "экстралингвистическую реальность". Например:

"В наше время вопрос "Я ли это на самом деле?" возникает у отредактированного файла, не помнящего процедуры редактирования..."

"Национальности, возраста и личной истории у меня теперь нет. Есть только хорошо оплачиваемая корпоративная реальность..."

"Свет сознания неизбежно озарит когда-нибудь наши машины. Не через человеческие глаза и ум, а напрямую — изнутри..."

"Язык и есть непонятно кем написанная программа нашей судьбы..."

"Лингвистической целью человечества была смерть. Алгоритм открыл оксфордский словарь, увидел первое слово "abandon" (отказ... — Г.С.), увидел последнее "zygote" (оплодотворённая диплоидная клетка... — Г.С.), а затем соединил алфавит с омегой невидимой человеку нитью..."

"Мы думаем, на небесах всё возвышенно и трюично. А там всё конкретно и треугольно. В бермудском смысле..." (слово "бермудский" автор в контексте связывает с "бером"-медведем и некоторыми его органами... — Г.С.)

"Сейчас все понятия, мысли и образы стали на две тысячи лет старше..."

"Большая часть того, что принято считать войнами, была на самом деле организованными жертвоприношениями. "Войны" в истории случаются не так часто — элиты не любят гибнуть..."

КОНЕЧНО, особое место в мистериях авторской постирочии отведено России — главное действие оказывается тесно связано с симуляцией "Roma III", в которой, при всём почти античном антураже из императоров, гладиаторов, мистов, евнухов, менап, преторианцев и т. д. нельзя "развидеть" наш Третий Рим (вообще, "...преторианцы — люди с причудами. Видно хотя бы по императорам, которых они нам назначают..."). А сама Россия в виртуальной антиутопии превратилась в Добрую страну, где правят "сердоболы на слезь веществах", где царит максима "Не изрекай суждений — и не будет у тебя судимости...", а в истории важную роль сыграл некий "Дядя Отечества" генерал Судоплатовов с его лихим "улан-батарами". Основной текст "Путешествия в Элевсин" явно писался уже после начала Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, а также западных санкций против России, поэтому без соответствующей линии Пелевин обойтись не мог — в тексте романа действуют алгоритмы, спроектированные на русскоязычной основе, и

нейросети, обученные на русской культуре, которые представляют экзистенциальную угрозу для всего мира, устраивая "тайныйговор корпоративных алгоритмов в непонятной целью..."

"Есть устойчивое международное мнение, что русская культура агрессивна и деструктивна по своей сути..."

"Агрессивные имперские метастазы, излучаемые русской классикой. Логос в штатском, так сказать..."

"Вы представляете, что писали эти бесчисленные русские еврофобы?... Чего желали остальному счастливому человечеству, занятому покорением космоса и гендера?..."

"Беличье русской культуры, которая чуть более чем вся состоит из рвотных спазмов по этому поводу..."

"У России когда-то были две беды: дураки и дороги... На новом витке исторической спирали главная из наших бед — та засекреченная автострада, по которой мудозвонов завозят по ночам во власть..."

Мол, Россия видит свою миссию в том, чтобы осясативить всё человечество без исключения, а кровь отмыть потом, но "...проходит век за веком, накрывается проект за проектом, а даров не видать. Зато брызг всё больше и больше, и это, между нами говоря, уже не брызги, а целые лужи...", потому что "нужно постоянно проливать кровь, ссылаясь на грядущий рай..."

Даже стиль коммуникаций в нынешних отечественных мессенджерах и прочем киберпространстве передаётся на 146%: "С тех пор как корпорация Transhumanism Inc. приобрела замечательный "Ватинформ" и превратила его в непонятную помойку с английским названием, канал стало невозможно читать. Где увлекательная конспирология? Правды жизни мне и по службе хватает. Миранда Геленджик..." Узнаваемо?

В ОБЩЕМ, налицо коллективный инкпозивно-демократический русофобский стандарт во всей его полноте и глубине, вплоть до образа Родиона Раскольниковца, убивающего топором старушку-процентщицу — причём даже не ради её ограбления, как принято на рациональном Западе, а ради "право имено" и с последующей трансформацией этой пары Достоевского в набоковских Гумберта Гумберта с Лопитой. Но Пелевин всё-таки не перестал быть самим собой и, подобно Хоме Бруту, очертил круг, отделяющий его от этого стандарта — в частности, через образ императора "Roma III" Порфирия (тёзка Порфирия Петровича из "Преступления и наказания"). Кстати, главный герой романа в итоге оказывается триедни, поскольку лишь таким образом оказывается возможным нейтрализовать все вероятные и неизбежные эксцессы действующих лиц и исполнителей.

"Так чего же ты хочешь на самом деле, Русский Логос? Что шепчешь из своего вечно-го зенита?"

Ответ всплынул в моей голове сам. — Да катись оно всё!..

Умереть, чтобы принести много плода? Кому именно? Ах, вот оно как... Извините, но с этой благоуханной ночи мы выходим из зерновой сделки..."

Так уж повелось, что на вопрос: "Быть или не быть?" русский ответ: "Была не была!"

Да, в завершение можно и нужно напомнить, что любое публичное упоминание, за исключением некролога, по сути своей является рекламой. Или же эксцессом исполнителя.

Георгий СУДОВЦЕВ

ЖИЗНЬ В ТРУЖУ

Светлана Замлелова о России 90-х

Замлелова Светлана. Блудные дети, или Пропалад и нашёлся... : повесть. — М.: Вольный странник, 2023. — 400 с.: ил.

ПРОДУКТ советского воспитания, я росла, взрослепа и не знала многих умных определений, которые, оказывается, помогают учить, воспитывать детей. Не знали этих умных слов и наши родители. А уж дедушки-бабушки... И как только удалось обучить им поколение победителей, потом поколение строителей-космонавтов?

К таким понятиям относится, например, мелкая моторика. "Мелкая моторика включает в себя движения мелких мышц, которые управляют мозгом вашего ребёнка".

Не зная о мелкой моторике, мы ею воево, прямо скажем, злоупотребляли. "Сорока-воровка кашу варила, деток кормила" — это же та самая мелкая моторика! Лепка из глины-пластилина, всевозможные детские конструкторы, пирамидки, шитьё платишек для кукол... Понятия не имели, а воево эксплуатировали. Ныне о ней стали глубоко-мысленно рассуждать, но где она? Две кнопки в телефоне тыкнуть — вот и вся мелкая моторика. Платя для кукол — готовые. Где же та мелкая моторика, которая так необходима для управления мозгом? И кто этим мозгом управляет ныне? Или — на самолёт?

А ведь мелкая моторика — это не только мышцы рук, ног... О мелкой моторике мозгов я подумала, начав читать книгу Светланы Замлеловой "Блудные дети". Когда вдруг ощутила, что книга язычно тренирует мыслительный процесс. Мозги застопились, почти вздремнули, хотя читать приходится в иной день, как товарищу Сталину. — по 500 страниц. Но вдруг мозги с наслаждением, воспринимая информацию, подавая сигналы чувствам, зашевелились весьма энергично.

Как театр начинается с вешалки, так проза начинается с первых предложений. "Все семьи счастливы одинаково", "Тоспода, я пригласил вас, чтобы сообщить пренепрятнейшее известие", "Мой дядя самых честных правил"...

Началом, "завязкой" можно как затянуть в чтение, так и отворотить. Вероятно, дальше и хорошо идёт, но ты закрываешь книгу, испытывая разочарование. "Распахнув дверь, она громко скрипнула, вдыхая свежий воздух" — примерно так звучало начало рассказа известного писателя либерального лагеря. Книга мне была подарена с автографом, но я прочитала одно предложение — и всё. А ведь каких только премий не ухватит этот гур!

Казалось бы, что может быть хуже для начала художественного произведения, чем лекция, сухие, "обезжиренные" факты? Именно с фрагмента лекции начинается повесть Светланы Замлеловой. "Искусство раннего Средневековья характеризуется явным упадком. На смену Античности, исповедующей красоту человеческого тела, приходит христианство, призывающее к раскрытию духовных начал..." И ты уже отворачиваешься, задумываешься, пробегашь мысленно по известным тебе произведениям Античности и христианства. Как-то и не задумывался раньше, что духовное — закройка материального.

Серьёзнейшее повествование. Да уж, лёгкой музыкой не назовёшь... Но тут же автор переходит к описанию своего пребывания в пансионате, к этапам пасторальным картинам советского быта, затем следуют диалоги. И предельный контраст стиля позволяет легко включиться в сложный разговор о времени и о себе, в который вовлекает автор.

Распространённый литературный приём — повествование от лица женщины писателем-мужчиной и наоборот. Конечно, в произведениях фигурируют действующие лица обоих полов. Но вот выдержать всё произведение от лица противоположного пола, не забывшись, не дав "петуха"...

Насколько необходимо и оправдано это превращение? Такой вопрос задаётся себе только в начале. Действие разворачивается, и уже понятно, почему автор повествует от лица молодого человека, а не девушки, раскрывая перед тобой его судьбу.

Юноше, обдумывающему жизнь... Наши вопросы автор предвосхищает: "Спросят, зачем я пишу всё это, ради чего?..

Может быть, что называется, "в назидание потомству", из желания удержать хоть кого-нибудь от ненужных шагов".

Проклятие китаецв: "Чтоб ты жил в эпоху перемен". Но это проклятие оказалось напущением не на китайцев, а на вполне себе российских граждан, советских-антисоветских. Молодой человек поступает в вуз, возглавляемый либеральным деятелем, в "святые девчачьи". Точные характеристики главных "перестройщиков" и той омерзительной массовки, которая и играла "короля", в своей голости явившего нам и копья, и хвост, и рога.

Место действия — и провинция в своей размеренной безмятежности, и бушующий демонстрациями, протестующий центр Москвы. Опять-таки контраст — разноликая общественная среда.

Чего больше в молодых людях, идущих на баррикады? Идеологии или любвиотства? Как влияет педагог, преподаватель, его позиция на вверенное ему подрастающее поколение? И что вело ещё не вставших на ноги, не оперившихся молодых бунтарей? Желание быть, что называется, в тренде? Чем объясняется идолопоклонство перед любым задрипаным иностранцем, перед самым гнусным западным велянием, как гей-клубы, например?

Этакое роково повествования — внимание к деталям. Их выписанность. Английская подруга приятеля, Рейчел, её "значительность" характеризуется такими штрихами, например: статья, над которой она работала длительное время в Москве, была высоко оценена и даже напечатана в каком-то студенческом журнале. То есть значительность-то равна нулю. И на протяжении всего текста — написанного прекрасным русским языком во всём его разнообразии разговорности, описательности, повествовательности — вот такая "мелкая моторика". Когда за текстом — подтекст. Когда сам приходишь к выводу, к которому автор даёт возможность прийти.

Прияель Макс — человек совершенно бесполезный и беспутный, он тусовщик. Но именно через него автору открывается этот мир — андеграунд, в который он сам бы из безразличия даже не понал.

Размеренная жизнь и "братство свободных людей", какая-то зловещая ватага, русские и иностранцы. Россия и заграница. Почти сатанисты и монахики... И всё — в жизни одного человека. Всё — им пережито. Прочувствовано. Чем-то восхитился, чего-то испугался.

Бракосочетание без любви и любовь — без "жили они долго и счастливо и умерли в один день".

Многие ли крушители "старого мира" вот так, как автор-повествователь, одумались, поняли, даже и покаялись, признавая, что были ведомыми, а не ведущими, что их просто-напросто использовали для своих целей люди, которым до свобод нет никакого дела? Даже лучше было бы, чтобы этих бунтарей, сделавших своё дело, не было вове.

НАМ ВЫПАЛО ВРЕМЯ перемен-перевертышей. Депутаты, министры — бывшие коммунисты, ныне — лютевые антикоммунисты. Это их предательство растянто по жизни и временем несколько нивелируется. А в книге такие их кульбиты — скаты в повествовании. И потому так отвратительна их зримость. Ректор института — либерал, который встречает нас и героя в самом начале, и он же — депутат-патриот, озобоченный национальной идеей, в конце. Этакое обрамление повести.

Повествование назидательное без навязчивой назидательности. Философские рассуждения молодого человека, словно и стесняющегося рассуждать, делиться мыслями. Быть знаменитым некрасиво? И быть умничанием, наверное, тоже... И повествование — в стиле деликатных советов на собственном примере.

Возроление. Понимание. Из Савла — в Павла. От либеральной оголтелости — к Пасхе, к христосованию как важному ритуалу, который необходим внутренне. Как прожить наступившую жизнь без правил по установленным себе самому правилам? Ведь даже родители не могут дать тебе советы — они тоже этой жизнью ещё не жили. Когда жизнь летит с обрыва, какие советы от старших, которые летят вместе с тобой? За какой уступ ухватиться? Что он — этот уступ? Энциклопедия русской жизни эпохи перемен. "Я по свету немало хаживал". Казалось бы, у людей в это время нет ничего святого. Но оно есть. И у человека, и у страны.

Екатерина ГЛУШИК

ДЕРЗНОВЕНИЕ

Многослойная проза Андрея Бычкова

Андрей Бычков. Секс с фон Триером. — СПб.: Jaromir Hladik press, 2022. — 208 с.

ФОН ТРИЕР дерзновенен. О! Он задаётся целью опровергнуть кинематограф жизни своим кинематографом, он, смещая углы и показывая необычные ракурсы реальности, навязывает зрителю условия своего представления о бытовании на земле...

Дерзновение прозаика Андрея Бычкова самостоятельно: используя имя известного режиссёра в названии романа, а потом и в устройстве оною, автор словно отсылает к смене парадигм, к игре, исполняемой смертельно всерьёз, к градусу повышенного восприятия яви.

"Секс с фон Триером" — роман, отправляющий так далеко, как датчанин и не мечтал: русская плазма бытия кипит и булькает, а существование здесь, на земле, в вихре вечного вращения югы юлгой отдаёт трауром, увы, уже по месту рождения.

Вы представляете, что такое Вашингтон? Нет, ничего общего с официальной американской столицей, ну то есть совсем — не думайте, что так говорит пришепётывающий, не способный правильно произнести названия, ибо Вашингтон — это крематорий, обозначенный так жителями окрестных деревень: крематорий, куда свозятся трупы из крупного областного города — пандемия берёт за горло этот отсек человечества.

...Всё на отсеках — каждый во своём: и как понять то, что человечество единый организм? Как поверить в это? Старый русский философ Фёдоров улыбается, приветств со своего сундука, но философия Андрея Бычкова больше схожа с философией жизни, с экзистенцией, данной в красках и образах. Поначалу кажется, что красок будет две: белая и чёрная, причём последняя превалирует, — однако по мере продвижения вглубь текста, согласно скалкам в любую сторону, количество красок увеличивается. Закигается фиолетовое сущение. Декорации выстраиваются плотно: курчавый лес, словно сам из себя, даёт портрет медведицы как полноценный и полныйобраз, с которым придётся считаться буквицам людей.

Зелёное напозлает на бурое. Особый отлив — солнце: золото, переходящее в красные змвыи.

Проза Бычкова музыкальна: то струнные зазвучат, то загудит стволочная мощь органа, то фортепьянные брызги разлетятся хрустальем.

Роман усложняется, он творит новые и новые реальности, ибо оказывается постепенно, что сценарист — наш, русский, — создав космогонит сценарного текста, посылает его датчанину, да так, что тот не может отказать от возможности реализации оною.

ЗАГАРЮЮТСЯ огни фильма. Фильм в романе? Почему бы и нет, ведь действительность, творимая Бычковым, поразительно многослойна.

Пыхит крематорий. Дымят трубы.

...Есть, впрочем, в своеобразии стилистики писателя нечто босянское: завораживающее и поражающее, сложно комбинированные элементы фантазий и игры разума, — не сойти б с ума, ибо: "На кухне кипятился бутербродом чай и молодой человек, разложенный на священную пыль, флюоресцирующую по углам, на электроны, бодро уже был доставлен каретой, разговаривал он с микрофона, в очках выплывали они, сиделись крупно за разговор и сосали они разговор..." Плотню и парадоксально, будто собственный язык изобретается, — так Андрей Платонов, насыщая фразу алогичными корневыми решениями, предлагал свой язык, но у Бычкова не прочитывается горизонта схожести с Платоновым... С кем? Писатель не живёт без корней. Может быть, с Набоковым? Есть в тексте Андрея Бычкова неистовая изощрённость, тонкие лучения необычных эпитетов и словосочетаний. Своя азбука бытия.

"Действие начинается после концы", — утверждается в романе. По логике всего — бытия в том числе — всё движется к финалу, и человек, помещённый внутри сценария, раскрывая как собственного бытия, тоже. Естественность дыхания отличает тексты Бычкова — они угадываются как будто в смутных областях грядущего и, угаданные, увиденные, переносятся на бумагу, всплывая самоцветами фантазий и логи конкретики.

...На древесной коре даны сложенные письма. Бычков словно тяготеет к пейзажу, используя который можно дать абсолютно объёмные панорамы запредельности, творящейся в нас: там, где и начинается космос. Да, да, космос начинается у нас. Прочтите роман Андрея Бычкова "Секс с фон Триером", и вы поверите в это.

Александр БАЛТИН

Виталий Аверьянов. Бесконечный спуск : роман; стихи и песни последних лет. — М.: Книжный мир, 2023. — 292 с.

КОНЕЧНО, эту книгу будут сравнивать с произведениями Виктора Пелевина: тот мог бы создать нечто схожее, но не создал. Пелевинские книги последних десяти-пятнадцати лет — все-го лишь модно-коммерческий, буквосодеждающий (sic!) продукт, тогда как фабула, о которой пойдёт речь, — выстраданная тема.

Автор признался, что увидел это во сне. Да, это мог бы выдумать и Дмитрий Глуховский (признан иноагентом) с его изошённо-вытравленным разумом — но у него всё так пронизано жёлтёно да безнадёгой, что финал оказался бы в лучшем случае пустым или открытым. Здесь же всё оптимистично, бодро и ясно.

О чём сие? О преисподней и о трудном выходе из неё. О том, что даже там не всё потеряно. Передо мной — роман "Бесконечный спуск" Виталия Аверьянова, которого знают как современного философа, что уже изумляет в наше антифилософское время, а ещё — как поэта, барда и общественного деятеля. Также удивительны его работы, посвящённые Вегимиру Хлебникову и Амедео Модильяни.

ТОЧКА ОПОРЫ

О книге Виталия Аверьянова

В области написания романов автор — новичок, но и первый блин, говоря по-народному, вышел не комом. Александр Проханов, ознакомившийся с текстом, написал в предисловии к роману: "Не всегда этот ад размещается в подземных катакомбах, но гнездится в катакомбах человеческой души. Свой ад изобразил Виталий Аверьянов. Этим произведением он обогатил адоведение".

Вместе с тем адоведение от Аверьянова сильно отличается от того, что нам приходилось читать. Интересна и сама композиция. Повествование являет собой запись потустороннего контакта с умершим: "Уже спустя много лет после своей глупой гибели покойный министр неведомо как явился моему соседу и очень подробно поведал ему о своей дальнейшей участи. Как он явился, при каких обстоятельствах, Пётр Петрович мне не сообщал. Он не просто слушал Комарова, но и каким-то неведомым образом видел картины его воспоминаний. Беседы эти были как яркий сон или фильм, с красками и звуками, чуть ли не с тактильными ощущениями. Этим объясняется некоторая странность самого повествования".

ЗАВЯЗКА — гибель препротивнейшего героя. Нет, антигероя. Комаров — этакий живчик с бандитским прошлым, ныне глава краевого министерства спорта, средоточие всех грехов и пороков. Когда такие умирают, в интернете пишут злорадные комментарии, вспоминают анекдоты о похоронах, на коих аж "порвали два баына", и в судах начинается бестыгье-громкий делёж имущества. "Правда, в юности Комарова, бывало, терзали сомнения морального свойства, но постепенно он изживал их. Когда его компаньоны впервые вовлекли его как участника в рейдерские захваты

чужих предприятий — он поначалу колебался..." — и эти колебания потом станут его спасительной соломинкой. Когда? О, не всё сразу.

Итак, спорт-министр и бандюган попадает в ад, куда ему, разумеется, и дорога. Виталий Аверьянов создаёт свою модель геенны огненной, и она на первый взгляд — вовсе не раскалённая сковородка и не хрестоматийный котёл: "Комаров оказался внутри очень странного города — чудовищных масштабов многоярусного мегаполиса. Первое, что встречало вновь прибывших, — циклопических размеров атриум, в котором просматривались запутанные линии этажей, секторов и лабиринтов.

Разные сектора и уровни строились как будто в разные эпохи — там были то сегменты, выполненные в псевдоклассическом стиле, то в барокко, то ли в техно, то что-то из культуры то ли инков, то ли ацтеков, то рядом с ними какие-то причудливые неизвестные архитектурные черты, по-своему зловещие. В некоторых местах проступали технические скелеты сооружений: переплетения труб, узкие пожарные лестницы, короба с рубильниками и мигающими лампочками, свисающие из стоек связи провода, обрывки изоляции, торчащая арматура".

Страна лифтов, как определил её автор, где отсутствуют небо, солнце, звёзды. Вся адская — в прямом значении этого слова — мешанина лживо и как бы в насмешку именуется Свободный Град. Грешники мотаются по этажам без отдыха, время от времени их пытаются в соответствии с их земными пакостями, и Аве-

рьянов подробно рисует, как мучаются те, кто слишком любил всяческие Мальдивы.

Вместо сна у ибтателель пекла — забытьё, где им нескончаемо прокручивают их основной грех, который мучает куда как более "физических" истязаний. Эти описания — мегаполисы, лифты, отсутствие неба, правеежи, полуобморк в качестве ночного отдыха, само лживое название Свободный Град — напоминают стиличный офисно-деловой центр с его бессмысленной и притом изматывающей реальностью. Отметим это — и пойдём дальше.

Аверьянов, живописуя адское существование героя, умело ставит флешбеки, то есть воспоминания, сплочи-озарения. Проходят узнаваемые картины — это и карьера одногоединственного человека, и своеобразное сползание к чертам моего соцуума. "Бесконечный спуск" — не мистико-приключенческий роман, хотя в нём есть все его элементы. Тут — глубокий символизм.

В итоге Комаров "знакомится" с зеркалом — таинственным артефактом, где обитает Комаров-2, то бишь двойник: "Общение с зеркалом постепенно приводило к невероятному результату. Комаров сам поначалу не знал, то ли он просто сходит с ума, то ли извлекает из зеркала какую-то чудесную силу. Картины прошлого вставали перед ним как живые, во всех подробностях. Комаров не мог точно сказать, видел ли он их на внутреннем экране памяти или в самом зеркале".

Почему-то зеркало выбрало именно этого краевого министра, ничтожного и антипатичного. Но в нём оказалась искорка. Так куда же уводит его зеркальный двойник? Что хочет показать? "Комаров перенёсся в раннее детство, в котором, бывало, испытывал и блаженство. Он несколько часов заново переживал то, что

происходило с ним однажды: поездку в отдалённое село на поминки прабабушки, огромное собрание родственников, которые несколько дней поминали покойницу, любимую и почитаемую всеми. Это было незабываемое чувство рода, близости людей, большинство из которых Комаров видел тогда впервые". Вот! Сельский мир, традиция, русские песни. Это и есть рай. Теперь вспомним, что такое ад по-аверьяновски. Мегаполис и небоскрёбы-небоскрёбы, а я маленький такой.

АВТОР противопоставляет город и деревню, как ад и рай, словно бы давая ключи от этого рая. Аверьянов здесь точно даёт понять, что любой "бесконечный спуск" может остановиться, если найти точку опоры. На презентациях книги были слова о том, что СВО и Донбасс — это выход в русский рай. Однако не все люди могут пройти через военную спеоперацию. Но мой взгляд, книга даёт ответ на вопрос, куда повернуть. К сожалению, традицию у нас частенько представляют как деревянные лапки, думяный самогон, капусту в боробе и рожающих в поле молотух лет четырнадцатishестнадцати (дабы к тридцати помереть без зубов и смыслов). Тот, кто транслирует эти безразы, — замаскированный враг или дурак.

Потому что традиция — это вечность, влетаемая в беспрестанный прогресс. Никто не понуждает отказываться от пальто в пользу армяка. Не о пальто разговор. О памяти. Если её отключить, получают Комаровы. "Это воспоминание и это осознание нашло на Комарова как нечто противоположное смертному наваждению, как восхищение души в непогрешённый строй жизни — и после него пути назад во тьму, к бесконечному спуску больше не было. Оставался только путь вперёд..." — куда же выбрался тот экс-министр, попяв резоны бытия? Узнаете, прочитав роман Виталия Аверьянова.

И ещё пара слов. Книга невероятно "пластична": из неё можно сделать и сериал, и видеоклип, и даже пёсью, что вообще редкость. Драматургия — особое искусство, которому поддаётся немногое. На презентации были явлены сцены из "Бесконечного спуска", сыгранные актёрами, и это смотрелось захватывающе. Короче, как сказал Проханов: "Читайте эту книжку, но прежде хорошенько помолчитесь..."

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Шатун». Художник Василий Проханов